

В тот день, когда при смене лекарем повязок на его искалеченных ногах он, пребывая в полубреду от боли, отчетливо услышал тихий звон фарфоровых флаконов в аптечке, он понял — звук был не таким, как обычно. Младший евнух, приносивший снадобья, вечно крутился у покоев наложницы Линь, о чем тайная стража докладывала ему уже не раз.

Что же до пересудов по всему городу, так если бы не молчаливое одобрение самого императора, разве стали бы уличные певцы слагать об этом новые куплеты?

Но что толку это знать?

Он смотрел на лицо Вань Яо, наполовину залитое светом свечи, наполовину скрытое тенью, и костяшки его пальцев глубоко впивались в подлокотники кресла. В эту эпоху, где императорская власть превыше небес, слава рода Линь как верных слуг престола стала для него кандалами, а искалеченные ноги — ахиллесовой пятой. Старый император хотел лишь одного: чтобы он, зная правду, был вынужден глотать ее вместе с кровью, стиснув зубы от бессилия.

Прошлой зимой он три дня и три ночи простоял на коленях в фамильном храме перед поминальными табличками предков. Тайные стражи принесли ему переписку лекаря с евнухом, на листах с еще не высохшими чернилами значилось: По высочайшему повелению. Тогда он сжал бумагу и рассмеялся так, что выступили слезы, — смеялся над тем, что, обладая воинским мастерством, не имел даже права на месть.

Военная мощь рода Линь все еще была в руках императора, а частное войско на окраине столицы было слишком мало, чтобы противостоять гвардии. Стоило лишь шелохнуться, как весь род был бы вырезан под корень.

Притворяться неведением — таков был его единственный путь к выживанию.

Но эта императрица...

Взгляд Линь Юньфэна скользнул по напряженным плечам Вань Яо, обтянутым черным атласным костюмом. Жемчужины в ее золотой заколке ослепляли, а каждое слово, слетавшее с ее губ, было подобно раскаленному крюку, вонзающемуся в самую больную рану.

Она — законная супруга старого императора, мать наследного принца. По логике вещей, она должна была желать ему смерти больше всех.

— Зачем вы... — его голос звучал сухо, словно наждачная бумага терла дерево. Он сглотнул, прежде чем продолжить: — Что вы этим хотите сказать? Не боитесь ли вы, явившись в дом Линь в такой час, навлечь на себя беду?

Он не верил, что у этой дворцовой интриганки может быть доброе сердце. Когда младшая

сестра Линь только попала во дворец, эта самая императрица с улыбкой преподнесла ей чашу лекарства для сохранения беременности, а на следующий же день велела лекарям записать в ее карту: болезненна, к деторождению неспособна. Кто в столице не знал о ее методах? Ребенок его старшей сестры, тот малыш, что звал его дядей — она ведь тоже приложила руку к его гибели, если не сама, то своим попустительством.

Нефритовая подвеска в пальцах Вань Яо продолжала вращаться. Ее торжествующая улыбка в его глазах была похожа на оскал охотника, наблюдающего за волком, угодившим в капкан.

Линь Юньфэна внезапно пробрал холод. Эта женщина пришла не для того, чтобы раскрыть правду, она пришла, чтобы вложить ему в руки нож. Но кого именно она хочет убить его руками?

Лунный свет просочился сквозь оконную решетку, отбрасывая мертвенно-бледную тень на его бесполезные ноги. Он внезапно вспомнил вчерашние синяки на своем теле, вспомнил рельеф мышц, угадывающийся под ее облегающим костюмом, и сердце сжалось от дурного предчувствия.

Эта императрица, пожалуй, поопаснее самого старого императора.

Вань Яо выпрямилась и стряхнула несуществующую пыль с лацканов:

— Старый император хочет использовать доброе имя рода Линь для укрепления духа армии, но в то же время боится, что ваши заслуги затмят его трон. Сломать тебе ноги, лишить тебя наследников, а потом раздуть из этого скандал, чтобы все знали — это отличный способ сбить твою спесь и сделать тебя посмешищем в глазах народа. Он мастер строить планы, чтобы собирать плоды чужих трудов. Просто мне на это смотреть противно.

— Если честно, я — небожительница Вань Яо, — произнесла она, и в конце фразы ее голос слегка дрогнул с ноткой беззаботной лени.

Свет свечи падал на ее лицо под углом, отчего глазницы казались глубже, а в уголках глаз играла мягкая, обольстительная тень. Сочетание мужественности в надбровных дугах и нежной женственности в уголках глаз на мгновение заставило Линь Юньфэна забыть.

Он вспомнил сказки о бессмертных, в которых говорилось, что они всегда наполовину люди, наполовину духи, наполовину праведники, наполовину демоны. Женщина перед ним действительно казалась сошедшей со страниц такой книги.

— Небожительница? — Линь Юньфэн дернул уголком рта в насмешливой улыбке. — Если вы небожительница, то почему оказались заперты в этом глубоком дворце?

— Прохожу через испытание, — Вань Яо сделала глоток чая. Капля влаги застыла на нижней

губе, и она небрежно слизнула ее кончиком языка — жест был полон невольного очарования. — Точно так же, как и ты.

Вань Яо смотрела на его напряженную челюсть, покрытую темной щетиной, похожей на весеннюю траву, пробивающуюся сквозь землю, — это придавало ему дикости.

Она вдруг подумала, что свалить все грехи на старого императора было мудрым решением — по крайней мере, это дает возможность дольше любоваться этим суровым, но красивым лицом. В конце концов, старый император ничего не теряет. Ведь, не считая того ребенка, остальные беды рода Линь — дело рук именно его величества.

К тому же, оригинал этой женщины считала, что держит все под контролем, но Вань Яо была уверена: старый император знал о смерти того ребенка. Все его показное обожание было лишь способом усыпить бдительность рода Линь. Как только Линь падут, они станут ему не нужны.

Жалкая прежняя владелица этого тела. Из-за одной лишь ревности она запятнала свои руки кровью стольких людей.

Вань Яо намеренно подалась вперед на полшага. Ее талия, обтянутая тканью, плавно покачнулась, словно у готовой к прыжку змеи. Расстояние сократилось настолько, что она ощутила исходящий от него аромат чернил вперемишку с легким запахом целебных трав.

— Я спустилась на землю, чтобы пройти испытание, — голос Вань Яо стал тише, приобретая оттенок тайны. — Но не ожидала, что столкнусь с вашей историей.

Она сделала паузу, ее взгляд скользнул по рукам, лежавшим на коленях. Четко очерченные суставы, мозоли от меча на подушечках пальцев — сейчас он сжимал руки так сильно, что костяшки побелели, будто собираясь раздавить что-то невидимое. Она знала, что он терпит: терпит унижение, терпит ненависть от того, что лишен продолжения рода.

— Хотя вина лежит на императоре, — она сменила тон на сочувственный, словно и впрямь жалела род Линь, — но в этой жизни мы муж и жена, и я должна разделить с ним часть ответственности.

Линь Юньфэн резко поднял голову, в его глазах читалось изумление:

— Что... что вы хотите этим сказать?

Он не верил в раскаяние императора и еще меньше верил, что эта женщина станет ему помогать.

Свет свечи мерцал в ее зрачках, и хитринка в них была подобна юркой рыбе в воде, которую невозможно поймать.

— К тому же, ваш род оказал огромные заслуги в защите государства, вы совершили великое благо, и прерывать ваш род было бы несправедливо.

— Прерывать? — голос Линь Юньфэна дрожал, пальцы до боли впивались в деревянные подлокотники. — В моем положении? С искалеченными ногами и без надежды на наследников, о каком продолжении может идти речь? — он горько усмехнулся, и в этом смехе сквозило полное отчаяние. — Вы пришли поиздеваться надо мной?

Когда последнее слово затихло, она легонько моргнула, и на левой щеке проступила ямочка:

— А что, если я скажу, что могу исцелить твои ноги и вернуть тебе возможность иметь детей?

Линь Юньфэн смотрел на эту улыбку, и вдруг почувствовал, как что-то ударило его в грудь. Он резко схватил ее за запястье с такой силой, что, казалось, готов был раздробить кость:

— Что ты сказала?

Вань Яо приподняла бровь, позволяя ему сжимать свою руку:

— Я сказала, что могу спасти тебя. И ты ведь уже почувствовал это, не так ли?

Пальцы Линь Юньфэна сжались еще сильнее. Он не должен был верить — слова этой женщины из глубокого дворца ядовитее змеиного жала. Именно поверив ее чаше с лекарством, его сестра обрела бесплодие и мучительную смерть, а старшая сестра всю жизнь винила себя за то, что не уберегла ее.

Но вчерашняя ночь...

Его кадык судорожно дернулся. Вчерашний жар и страсть, словно лесной пожар, пронеслись по его венам.

Он отчетливо помнил тепло ее рук на своей спине, помнил холодное прикосновение заколки к своей щеке, когда она тяжело дышала ему на ухо, и, что важнее всего... тот внезапный прилив силы на рассвете.

Он снова может.

Это осознание ударило, как гром среди ясного неба, взорвавшись в глубине его сердца, затихшего на два года. На подлокотниках кресла остались глубокие следы от ногтей, щепки вонзались в ладони, причиняя боль, но она не могла заглушить жар, поднимавшийся из самого костного мозга.

Два года. С тех пор, как его опоили тем зельем, он думал, что остаток жизни проведет калекой. Лекари твердили, что повреждена сама основа жизни, и боги тут бессильны.

Но вчерашнее ощущение было реальным, оно все еще жило в его коже. Это не было иллюзией — когда ее пальцы скользнули по его пояснице, он отчетливо почувствовал пробуждение, словно сухая древесина пустила ростки, словно пепел снова вспыхнул огнем.

— Ты... — он хотел задать вопрос, но голос предательски дрожал, а в глазах, налитых кровью, проступило желание, которое он сам в себе презирал.

Вань Яо, глядя на его внутреннюю борьбу, вдруг рассмеялась. Улыбка разлилась от ямочки на щеке, окрашивая уголки глаз нежной поволокой. Она намеренно выпрямилась, чтобы красные следы на вырезе ее костюма стали заметнее:

— Веришь или нет — попробуй и узнаешь.

Она легко высвободила руку, кончиками пальцев едва заметно проведя по его тыльной стороне ладони, словно перышком коснувшись сердца.

— Лекарство я принесла. Использовать его или нет — решать тебе.

<http://bllate.org/book/18849/1837692>